

Вопрос о внутренней форме слова в лингвистических исследованиях

*Ковалева А. И., магистрант БГУ,
науч. рук. проф. Ровдо И. С., д-р филол. наук*

Понятие внутренней формы слова (далее – ВФС), несмотря на более чем полуторасотлетнюю историю своего существования и широкую область употребления, не получило единой трактовки в современной лингвистике. Уже в трудах А. А. Потебни, который ввел данный термин в употребление, ВФС рассматривается неоднозначно: ученый называет ее и «отношением содержания мысли к сознанию», и «центром образа, одним из его признаков, преобладающим над всеми остальными», и «тем способом, каким выражается содержание» [1, с. 115, 146, 175]. Обилие альтернативных терминообразований ВФС (по подсчетам В. Н. Манакина, в работах А. А. Потебни их около 50 [2]) определило ее сложную судьбу в лингвистике XX века.

В словарях лингвистических терминов ВФС непременно предоставляется отдельная статья, однако даже правомерность выделения данного понятия в качестве самостоятельного лингвистического феномена некоторыми языковедами ставится под сомнение. С одной стороны, сам термин ВФС представляется лингвистам «неудачным»: вопросы возникают из-за кажущейся несовместимости понятий «внутренний» и «форма», которые обычно являются контекстуальными антонимами. Взамен «неудачного» термина предлагаются следующие: *намётка на возможное содержание слова, принцип избирательности, буквальное значение, знак значения, рациональная оправданность связи между значением и содержанием* [2, с. 38; 3, с. 82]. Как видно, данные аналоги являются более громоздкими и зачастую не проливают свет на значение данного термина.

С другой стороны, часть исследователей отказывает ВФС в статусе отдельного лингвистического явления, поскольку видит в ней дублет этимона, лексического значения или мотивированности. Отождествление этимона и ВФС связано, скорее всего, с буквальным прочтением тезиса А. А. Потебни о том, что ВФС – это «ближайшее этимологическое значение слова» [1, с. 175]. Однако в силу того, что ВФС обладает апперцептивным характером и осознается носителем языка, очевидна ее привязка к синхронии, в отличие от этимона. ВФС также не тождественна лексическому значению, поскольку отражает лишь один признак названной реалии и потому зачастую является его составляющей. Отличие ВФС и мотивированности состоит в том, что последняя «содержит указание на принадлежность базового слова к той или иной части речи и ... работает на словообразовательную характеристику слова. ВФС вскрывает природу наименования, работает на ономастический аспект слова» [4, с. 518].

В качестве препятствий на пути ВФС к признанию ее лингвистического статуса называют следующие: 1) ВФС осознается носителями языка в течение недолгого времени; 2) наряду с мотивированными в языке есть и номинации без ВФС; 3) в языке постоянно действует процесс демотивации. Однако, во-первых, по сведениям О. И. Блиновой, в результате проведения психолингвистических исследований было получено около 414 000 показаний метаязыкового сознания носителей разных языков, содержащих интерпретацию ВФ предложенных в ходе эксперимента слов [5, с. 5]. Во-вторых, в любом развитом языке число слов мотивированных преобладает над числом немотивированных, что связано с особенностями человеческой памяти, не способной вместить бесчисленный объем звуковых комплексов, не связанных с другими звуковыми комплексами и обладающими собственными, отличными от других значениями. В-третьих, демотивация, связанная с лексическими, фонетическими и морфологическими преобразованиями, не носит активного характера. Следовательно, вышеназванные обстоятельства не могут угрожать лингвистическому статусу ВФС.

Статус ВФС в современном языкознании становится все более прочным. Изменение взглядов на ВФС отразилось и в метаязыке лингвистики. Если в 50-е гг. прошлого века писали о *так называемой «внутренней форме слова»* (обязательно в кавычках), то позже кавычки начинают опускать, а в работах XX–XXI вв. данный термин уже используется в виде аббревиатуры ВФ или ВФС. Такая трансформация свидетельствует об укрепившихся позициях термина в языковедческой науке. Некоторые исследователи даже предлагают считать внутреннюю форму слова лингвистической универсалией и проводить классификацию языков по этому признаку, наряду с генетической и структурно-типологической [2, с. 35].

Литература

1. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня – М: Искусство, 1976. – 616 с.
2. Манакін, В. М. Внутрішня форма слова в аспектах зіставного мовознавства / В. М. Манакін // Мовознавство. – 2014. – №5 С. 35–44.
3. Попович, Н. В. Проблемы соотношения внутренней формы и значения слова / Н. В. Попович // Сб. научн. Трудов Московского государственного университета иностранных языков. – 1990. – Вып. 361. – С. 81–86.
4. Ермакова, О. П. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Известия академии наук СССР. Серия языка и литературы. – 1985. – № 6. – Т.44. – С. 518. – 525.
5. Блинова, О. И. Внутренняя форма слова: мифы и реальность / О. И. Блинова // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. – 2012. – №4. – С. 5–20.